

МАРК ТУЛЛИЙ ЦИЦЕРОН

(106 — 43 до н. э.)

Древнеримский оратор
и политический деятель

Марк Туллий Цицерон родился 3 января 106 года до н. э. в наследственном поместье, расположенном неподалеку от небольшого городка Арлин.

Предполагают, что один из предков Цицерона был простой крестьянин, занимавшийся огородничеством: отсюда плебейское прозвище Сисего – род гороха. Отец Марка был человек болезненный, тихий и склонный к размышлению, под влиянием книг и разговоров он стал рано тяготиться мелкопоместной жизнью и мечтать если не самому вырваться из нее, то по крайней мере вытащить оттуда своих детей. Его жена Гельвия сочувствовала ему в этом, и когда оба сына их, Марк Туллий и Квинт, достигли школьного возраста, они решили оставить деревню и переселиться в столицу. Образование, которое получил молодой Цицерон, было эллинское. Он изучал греческий язык и литературу, математику, риторику и философию. Его способности, любознательность и знания составили ему громкую репутацию среди сверстников. В 91 году, когда

ему исполнилось 15 лет и он по римскому обычаю получил мужскую тогу, он к своим прежним занятиям добавил также изучение юриспруденции и родственных ей наук. Он поступил под руководство авгура Кв. Муция Сцеволы и стал усердно посещать форум, прислушиваясь к политическим и судебным речам. Его занятия были прерваны на год военной службой: он участвовал в войне с восставшими марсиями и состоял адъютантом при главнокомандующем Кв. Помпее Страбоне, отце Помпея Великого. Цицерон не обнаружил ни военных талантов, ни военных доблестей и решил поэтому искать славы на гражданском поприще в занятиях адвокатурой и политикой. В течение шести лет он занимался философией, правами и риторикой, посещая лекции эпикурейца Федра, слушая риторику у знаменитого Молона и особенно охотно посещая философа Филона. Но больше всего Цицерон уделял внимание красноречию: он не упускал ни одного случая послушать выдающихся ораторов и сам ежедневно упражнялся в составлении

декламаций на различные темы. Он изучал лучшие образчики слога и формы, особенно в греческой литературе, и по многу раз переводил отрывки из Гомера, Еврипида, Демосфена, Эсхина и Платона.

В 27 лет Цицерон выступает на публичной арене в качестве адвоката по уголовным и гражданским делам. К сожалению, следы его дебютов до нас не дошли: первая из его существующих речей – в защиту Квинция по гражданскому иску – относится к 81 году, а первая речь по уголовному делу – в защиту Секстия Росция Америкского – относится к 80 году.

В 79 году Цицерон покидает Италию и в сопровождении брата отправляется в Афины. Здесь он посещает все исторические места, с которыми связаны те или другие воспоминания – академические сады Платона, Фалернский берег, где Демосфен некогда упражнял свой голос, гробницу Перикла – и слушает лекции по философии и красноречию у лучших афинских преподавателей.

В 77 году, после смерти Суллы, Цицерон вернулся в Рим, и ему сразу удалось занять видное положение в обществе. В следующем году, когда ему исполнилось 30 лет, его единогласно выбрали в квесторы – нечто вроде военных интендантов, заведовавших хозяйственной и податной частью провинциальной администрации. Ему досталась по жребию Западная Сицилия, давнишнее поприще для вымогательства со стороны римских администраторов. Новый квестор сумел бескорыстным и искусным правлением заставить провинциалов забыть их прежние страдания. Он аккуратно выплачивал солдатам следуемое им жалованье, мягко и даже великодушно собирал подати, вовремя доставил в голодающий Рим дополнительное количество хлеба, скупленного по нормальным рыночным ценам, и участливым обхождением с местным населением приобрел среди него такую популярность, что

его отъезд по окончании положенного года был всеобщим горем. Ему преподнесли публичную благодарность, и почетная гвардия из местной аристократии проводила его до самой границы Сицилии.

В жизни нашего героя 69 год стал годом его эдильства. Он был избран заведовать общественной тишиной и порядком, а также публичными празднествами – эта магистратура была первой из «курульных» магистратур, открывавших двери сената. Цицерон стал сенатором, получил на тогу широкую пурпурную кайму, занял курульное кресло и приобрел *jus imaginum* – право выставлять в своем атриуме (передней зале) бюсты и маски своих предков и проносить их публично на похоронных процессиях. Он дал в течение этого года три праздника за свой счет и раздал народу хлеб, присланный ему благодарными сицилийцами.

В 66 году Цицерон отправлял должность городского претора. Продолжая заниматься адвокатурой, он впервые выступил в качестве политического оратора, поддержав предложение Манилия о назначении Помпея диктатором для войны с Митридатом, царем Понтийским. Его речь имела большой успех, а так как Помпей был тогда одним из любимцев демократии, то популярность Цицерона значительно возросла, и он мог теперь решиться выступить кандидатом на высшую государственную должность – консула. Поэтому 65 и 64 годы он проводит как частное лицо, занимаясь подготовкой публики к своей кандидатуре.

Старания эти увенчались успехом, давно уже неслышанным в Риме: вместе с Антонием, племянником известного под таким же именем оратора, он вышел победителем из борьбы с пятью другими кандидатами и единогласно был избран в консулы на 63 год. Это был поворотный момент в карьере Цицерона. По достижении консульства он становится ревностным охранителем существующего строя и «незыб-

лемых основ общества».

Первой победой, которая навеки прославила Цицерона и его должностной год, было раскритие и уничтожение заговора Катилины.

Люций Сергий Катилина, человек весьма знатный и талантливый, стоял во главе демократического движения и мечтал, добившись консульства, произвести государственный и экономический переворот.

В 64 году он выставил свою кандидатуру на консульство следующего года в качестве вождя демократической оппозиции против Цицерона и пятерых других кандидатов. По-видимому, Цицерон сам первоначально думал вести избирательную кампанию под демократическим лозунгом, для чего сделал попытку заручиться благосклонностью Катилины; но, встретив отпор, он обратился к аристократии и получил от нее мандат. Убоявшись революционных замыслов Катилины, имущие классы единодушно отдали свои голоса Цицерону, и последний одержал блестящую победу. Реакция началась по всей линии: после провала Сервилия Рулла вновь избранный консул защитил Рабирия, обвинявшегося в соучастии в убийстве демократического вождя Сатурнина, и, наконец, принялся за Катилину, опять готовившего свою кандидатуру на консульство следующего года.

Достижение Катилиной этой должности должно было послужить сигналом к открытым военным действиям: умудренный горьким опытом прошлого, он знал, что правящие классы не сдадутся без борьбы и что, даже если ему и удастся добиться консульства, они в рвении защитить свои интересы, не остановятся перед буквой конституции, объявляющей личность магистрата неприкосновенной. Поэтому он решил поставить свое предприятие на широкую и прочную основу и с этой целью собрал в Этрурии значительное войско из всех недовольных элементов общества, готовясь сразу же после выборов поднять зна-

мя восстания. Но Цицерон не дремал. Через Фульвию, любовницу Курия, одного из приближенных Катилины, он был осведомлен о каждом шаге неприятеля и решил повести атаку накануне. 20 октября он получил от сената разрешение отложить день выборов, а 21 октября произвел в сенате формальный допрос Катилине. Последний и не думал скрывать своих намерений: римское государство, заявил он, состоит из двух организмов – слабого со слабой головой (сенат) и сильного, но без головы (народ), и он, Катилина, намерен играть роль последней для второго. С этими словами он вышел из курии, оставив сенат в изумлении и ужасе. Цицерон надеялся, что Катилина будет растерзан на месте; но за последние сто лет произошли существенные перемены, и аристократия успела растерять последние остатки своего мужества. Тем не менее Катилина выборы проиграл и решил отправиться в Этрурию, передав заведование делами в Риме Лентулу и Цетегу, из которых первый был в том году городским претором.

Узнав об этом, Цицерон распространил слухи о замыслах заговорщиков и созвал специальное собрание сената в храме Юпитера, куда пригласил и Катилину. Как только мятежник вошел в сенат, почтенные мужи совета демонстративно покинули скамью, на которую он сел, и оставили его одного. Поднялся Цицерон и дрожа от патриотического негодования произнес свою знаменитую «Первую речь против Катилины». «До коих пор Катилина намерен злоупотреблять нашим терпением? – загремел он, к величайшему восхищению своих коллег. – Разве он не знает, что все его умыслы и планы известны сенату и консулам так, как если бы они присутствовали на тайных совещаниях его и его сообщников? Разве он не знает, что слух о готовящемся поджоге города и избиении именитых сенаторов ходит по устам, вызывая негодование у всех, в ком живы еще добрые нравы, заповеданные

великими предками? Разве у него нет войска в Этрурии, набранного из гнуснейших подонков общества? Пускай же он лучше убирается из Рима подобру-поздорову». Слова эти имели большой эффект: Катилина уехал в ту же ночь, а Цицерон, облеченный специальными полномочиями, принялся за дальнейшее искоренение «крамолы».

Цицерон немедленно созвал сенат в храм Согласия, вытребовал к себе Лентула и Цетегу и, уличив их с помощью документов и свидетелей, велел арестовать их. 5 декабря было проведено – по предложению Катона и Цицерона и при грозной оппозиции Цезаря – решение казнить заключенных без дальнейшего суда. В сопровождении ликторов и огромной толпы сенаторов Цицерон собственноручно отвел осужденных в подземную Капитолийскую тюрьму и приказал их задушить – во славу сената и республики. С удалением Катилины в Этрурию и смертью его главных подвижников гидра революции была раздавлена, и благонамеренный Рим мог вздохнуть спокойно. Оставшись с небольшой группой верных друзей, Каталина пал при Пистории в 62 году. Он погиб геройской смертью, а с ним – все его товарищи до единого, как с удивлением замечает Саллюстий, «с ранами в груди и выражением решимости на лице». Так трагически закончилась попытка свергнуть железное иго сенатской олигархии.

Цицерон имел полное основание ликовать. Он достиг высших государственных почестей и спас республику. Его приветствовали как спасителя родины, ему преподнесли и в сенате и на форуме неслыханный дотоле титул, отца отечества, и в честь его воссылались богам бесчисленные молитвы и жертвоприношения. Каждую ночь в течение долгого времени город иллюминировался как в праздник, и повсюду, где появлялась знакомая фигура оратора, раздавались бурные рукоплескания. Цицерон сделался популярнейшим, но его по-

пулярность сохранялась недолго.

В конце 63 года Цицерон сложил с себя консульскую должность и стал жить простым сенатором, упиваясь обрушившимся на него почетом. Он смотрел на себя, как на самого выдающегося человека в государстве, чье слово имеет право на всеобщее внимание и повиновение. Куда бы он ни явился – в частный дом или на форум, в народное собрание или на суд – везде и всегда 63 год вертелся у него на языке, и вся его переписка за это время, речи и сочинения полны рассказами о его деяниях и заслугах.

В 61 году после шестилетнего пребывания на Востоке в Рим возвратился Помпей и сразу пришел в столкновение с сенатом по поводу наделения его ветеранов землей; примерно в это же время прибыл из Испании и Цезарь и стал домогаться консульства. Оба честолюбца, видя как трудно преодолеть оппозицию сената разъединенными силами, решили сблизиться и в 60 году заключили союз с целью общими средствами достичь власти. В союз был принят богатый Красс, и они втроем составили план кампании против сенатского режима. Цицерон почувствовал себя оскорбленным. Он принялся изо всех сил расстраивать триумвират, стараясь отвлечь от него своего старого друга Помпея. Его усилия были бесплодны: честолюбие Помпея оказалось сильнее дружбы.

Триумвирам надоело возиться с ним, и Цезарь пробовал было удалить его миром, предложив должность легата и место в комиссии по переделу кампанских земель; но уязвленный оратор отказывался слышать о каких бы то ни было предложениях, тем более об отъезде из Рима. Тогда новые владыки решили спровадить его силой и с этой целью выдвинули против него его заклятого врага Клодия.

Желая «одемократиться» и вместе с тем добиться трибуната, к которому он как патриций не имел доступа, Клодий давно уже хо-

тел отречься от своего рода и приписаться к какой-нибудь плебейской фамилии. Для этого требовалось специальное разрешение народа в куриатском собрании; но дело долго не удавалось из-за оппозиции сенатской партии, а отчасти и триумвиров, все еще не решавшихся погубить Цицерона. Но выступление последнего в защиту К. Антония, обвинявшегося агентами Помпея в вымогательствах в Македонии (Цицерон делил с ними добычу), решило дело – народное собрание по предложению Цезаря и под председательством Помпея провело необходимое *lex curiata*, и Клодий стал сыном Фоктея, человека моложе его самого, к тому же еще недавно женившегося и имевшего все шансы иметь собственное потомство: Это был абсурд и вопиющее нарушение конституции, но триумвиры и Клодий остались довольны остроумной проделкой и только смеялись над яростными протестами олигархов.

Выбранный трибуном на 59 год, Клодий осторожно принялся за дело. Он заручился популярностью в народе такими мероприятиями, как отмена платы за раздаваемый плебсу хлеб, разрешение вновь открывать клубы и цехи, запрещенные реакцией, и т. п., а потом внезапно повел атаку на ничего не подозревавшего Цицерона. Сенат после раскрытия заговора Каталины велел казнить в тюрьме Лентула и Цетега. Это был акт, незаконный во многих отношениях: сенат присвоил себе судебную функцию, которая ему не принадлежала, и приказал привести в исполнение приговор, который он не имел права выносить.

Особенно обвиняли в этом Цицерона, который и как главное действующее лицо и как консул являлся ответственным за все поступки сената; поэтому когда в декабре он слагал с себя должность и давал перед народом обычный отчет в своей деятельности, то один из тогдашних трибунов, Кв. Метелл Непот, обвинил его в соучастии в сенатском преступлении. Большинство собрания, в котором преоб-

ладали «благонамеренные», было на стороне Цицерона, но обстоятельства значительно изменились, и Клодий, внося закон об изгнании всякого, кто когда-либо был повинен в смерти римского гражданина без суда и апелляции, имел полное основание рассчитывать на успех. Цицерон, у которого совесть была нечиста, сразу понял, в кого метил трибун, а поняв, сразу же сдался. Вместо того, чтобы грудью встретить нападение, либо спокойно переждать события, или отрицать свою виновность, ссылаясь на требование момента, он предпочел играть роль кающегося грешника и молить о сострадании. В траурном одеянии, небритый, с всклокоченными волосами, обходил он форум и частные дома, прося заступничества и пощады. Его старания были напрасны: против него была аристократия, которая не могла простить его происхождения и заносчивости. О триумвирах и говорить нечего: даже Помпей, старый приятель Цицерона, обязавший Клодия не трогать оратора, вышел через заднее крыльцо, когда последний пришел к нему просить заступничества. Все было кончено: в одну темную апрельскую ночь 58 года Цицерон отнес в Капитолий свою любимую статую Минервы и удалился из Рима в добровольное изгнание. По предложению Клодия, его объявили вне закона, и строгое наказание было объявлено тому, кто приютит беглеца. Ему было запрещено жить ближе, чем на расстоянии 400 миль от Рима, и Цицерон, решивший было поселиться в Сицилии, среди своих бывших клиентов и друзей, принужден был переехать в Грецию и жить в Фессалонике. Отсюда он слал домой письма, которые своей слабыхарактерностью и малодушием вызвали упрек даже со стороны его апологетов.

К началу 57 года Помпей, оставшись один в Риме после отъезда Цезаря в Галлию, стал мало-помалу вступать в соглашения с аристократией. В виде аванса и как залог его искренности с него прежде всего потребовали

возвращения Цицерона, и Помпей стал хлопотать у народа об амнистии. Для борьбы с Клодием, все еще пользовавшимся большим влиянием в народных кругах, он сошелся с народным трибуном Милоном, достойным соперником Клодия по дерзости, решимости и находчивости. Во главе наемной толпы гладиаторов новый защитник Цицерона стал бороться со своим врагом, устраивая ежедневные схватки с ним и его приверженцами и терроризируя население боями и мятежами. Улицы Рима стали свидетелями непрерывных смут, мостовые обгалялись кровью и воздух оглашался стонами умирающих. Хаос стоял невообразимый, власть законов исчезла, и публика с волнением следила за перипетиями борьбы и выжидала ее результатов. К несчастью, силы противников были равны, и Помпей, видя, что дело может затянуться надолго, вынужден был прибегнуть к другим мерам. По его предложению сенат в мае 57 года постановил стянуть в Рим граждан италийских муниципиев, всегда державших сторону сената, с целью подавить оппозицию городского населения численным превосходством. Мера оказалась действенной, и 4 августа при страшных беспорядках и кровопролитии народное собрание провело требуемое решение. Опала Цицерона кончилась, и покинув Грецию, он переправился в Брундизий, где его ждало семейство, а оттуда по Аппиевой дороге медленно двинулся в Рим. 4 сентября он прибыл в столицу, где сенат, должностные лица и всадническое сословие приняли его с шумными овациями. При громе рукоплесканий он взшел на форум, а оттуда на Капитолий, и здесь, как некогда в Афинах Демосфен, произнес благодарственную речь богам и народу.

Цицерону удалось примирить себя с триумвирами и даже снискать их расположение: Цезарь теперь похваливал его стихи, а Помпей уверял, что, не спаси он Рима от Катилины, ему не над чем было бы теперь властво-

вать.

Цицерону удалось 5 лет прожить без тревог и в 54 году, после смерти Красса, даже получить давно желанное место в жреческой коллегии; но судьба его недолго баловала: в 52 году его опять удалили из Рима, заставив принять в управление дальнюю провинцию Киликию в Малой Азии. 15 апреля 52 года наш герой принужден был оставить Рим и поехать в назначенную ему провинцию. Он дважды объезжает Киликию, вникая в нужды населения и творя беспристрастный суд, следит за интересами римского правительства и возвращает казне расхищенные при, его предшественнике суммы. Он никогда никого не бранил и не наказывал прутьями; у его ворот никогда не было часовых, и никому он не отказывал в аудиенции; все имели к нему свободный доступ, всех он выслушивал с одинаковым вниманием, и всем он готов был оказать помощь. Не довольствуясь успехами в гражданском ведомстве, он искал лавров и на военном поприще. Он покорил Каппадокию, усмирил восставших киликийцев и нанес парфянам несколько решительных ударов.

Цицерон начинает мечтать о триумфе и последние недели своего наместничества проводит в написании писем друзьям, которых просит посодействовать ему в достижении этой чести, а главное – устроить так, чтобы он мог уехать из провинции, как только закончится его год. Наконец, он решает взять судьбу в свои собственные руки: не дожидаясь назначения и приезда преемника, он сдает бразды правления своему квестору и 30 июля 50 года выезжает из Киликии на родину. Он едет через Эфес, Родос, Афины и Брундизий и в начале 49 года приближается к столице, останавливается у ее стен и ждет сенатского декрета насчет триумфа. Увы! В это самое время загорается пожар междоусобной войны между Цезарем и Помпеем, и нашему доблестному герою, к его великой досаде, приходится отло-

жить свои мечтания на неопределенное время.

В жизни Цезаря наступила пора, еще более печальная для него и его репутации, нежели какая-либо предшествовавшая. В опасении за свою жизнь и имущество он долго не знал, к какой из воюющих сторон пристать, вел переговоры и с Помпеем, и с Цезарем, старался примирить обоих, давая обещания и тому и другому и навлекая на себя дурную молву. Но его терзания увеличиваются во сто крат, когда Помпей покидает Италию и отправляется набирать войска на Востоке: прежняя дилемма предстает во всей своей ужасной рельефности, долгие медлить становится невозможным – либо оставаться в Италии и пристать к Цезарю, либо объявить себя помпеянцем и идти вслед за вождем в Грецию.

После долгих колебаний и сомнений Цицерон, наконец, принимает решение. 7 июня 49 года он садится на корабль и уезжает в Диррахий, где он некогда жил в изгнании и где теперь находятся главные квартиры помпеянцев. Здесь он проводит целый год, ничего не делая и ни единым движением не помогая своим единомышленникам. Злополучная Фарсальская битва 9 августа 48 года, в которой погиб цвет Помпеевой армии, вывела его, наконец, из неприятного положения: в то время, как другие отступают в Азию, Африку и Испанию с целью собрать войска, он решает, что его оппозиция исчерпана и что самое лучшее для него – вернуться в Италию и просить у победителя прощения. Цицерон отплывает в Италию, послав наперед Цезарю письмо с покаянием и просьбой о помиловании. Он высадился в Брундизий и, едва спасшись от руки Марка Антония, за отсутствием диктатора распорядившегося судьбой страны, принялся ждать ответа на письмо. Цицерон ждал целых десять месяцев, пока в августе 47 года не получил благоприятный ответ. Он спас свою жизнь и имущество, но честь его погибла. Несмотря на многочисленные знаки внимания

со стороны своего нового господина, он провел все время его правления вдали от публичной жизни, не имея возможности приложить свои ораторские способности. Он жил большей частью на своих дачах, углубленный в занятия философией, и лишь изредка приезжал в Рим, чтобы засвидетельствовать свои верноподданнические чувства всеильному диктатору.

Смерть Цезаря в марте 44 года от руки аристократических заговорщиков вывела Цицерона на старую дорогу. Он был рад случившемуся как началу новой эры в жизни Рима. Забыв великодушие Цезаря, он в письмах к друзьям превозносил Брута и Кассия как великих тираноубийц и освободителей отечества, достойных стать в ряд с Гармодием и Аристогитоном – «героями и чуть ли не богами». На заседании сената 17 марта Цицерон поздравляет своих коллег со случившимся и произносит пышную речь о тиранах и свободе, напоминая о подобных случаях в греческой истории и приводя цитаты из греческих поэтов. Он рекомендует объявить амнистию всем замешанным в убийстве Цезаря, как это было сделано в Афинах после изгнания тридцати тиранов. Речь была выслушана с восторгом и предложение принято, но сделка была недолговечной; когда через несколько дней на похоронах диктатора консул Антоний показал народу окровавленную и пробитую кинжалами мантию Цезаря, требуя мести убийцам и всей их аристократической родне, толпа обезумела от ярости и бросилась к домам заговорщиков, намереваясь растерзать их в клочья. Последние, правда, спаслись, но разрыв между республиканцами и их противниками был формально объявлен. Цицерон пал духом, но появление на сцене Октавия опять оживило в нем надежды. Приемный сын и законный наследник Цезаря, этот 19-летний юноша, как только услышал о смерти отца, появился в Италии и, призывая под свои знамена цезаревых легионеров, потребовал у Антония воз-

вращения присвоенных им бумаг и казны покойного. Желая заручиться содействием республиканцев, он стал усердно ухаживать за сенатом и Цицероном, уверяя их в своей преданности и называя отцами. И Цицерон ввязался в борьбу с Антонием.

Как в былые годы, он произносит пламенные речи и побуждает народ к защите свободы; снова организует военные силы, собирает материальные средства, восхваляет Октавиана – и отовсюду встречает приветствия, рукоплескания и овации (т. е. малые триумфы). Так продолжалось вплоть до апреля 43 года, когда, наконец, после долгих попыток к примирению сенат объявил Антония вне закона и послал против него армию под начальством новых консулов и Октавиана. 15 апреля Антоний проиграл одно сражение, а 22 апреля – другое.

Весть о первой победе прибыла в Рим 21 апреля, и Цицерон получил такую овацию, какой не получал со времени своего возвращения из ссылки. Его пронесли на руках из сената в форум, проводили домой при восторженных возгласах, вечером весь город был иллюминирован в честь «двукратного спасителя отечества». Это был победоносный гимн, полный ликования, гордости и торжества. Оратор требует празднеств на целых 50 дней, как после освобождения от иноземного врага: он рекомендует дать полководцам титул императоров и настаивает на включении в почести Октавиана, который хотя в битве и не участвовал, но все-таки значительно содействовал военным успехам. Предложение было принято с энтузиазмом, но радость Цицерона и сената была недолговечной: Антоний перешел за Альпы и в Трансальпийской Галлии соединился с Лепидом, тамошним наместником, давно уже замышлявшим последовать примеру Цезаря. Известие об этом 29 мая поразило Рим как громом: все шансы одолеть врага сразу рухнули, и дни сенатского режима были со-

чтены.

Оставался один верный слуга республики, на котором теперь сосредоточились все надежды, – молодой Октавиан, и ему-то теперь вручено было главнокомандование силами государства и поручено дальнейшее ведение борьбы. Но и эта опора оказалась ненадежной: Октавиан отказался повиноваться до тех пор, пока не получит триумфа и других обещанных почестей. Сенат в припадке мужества решил отказать. Тогда Октавиан, отправив доверенных лиц к Антонию и Лепиду для переговоров, осадил столицу и принудил сенат капитулировать и объявить его, 19-летнего юношу консулом. Так пала республиканская свобода, а вместе с ней и сенатский режим. Цезарианцы восторжествовали, и республиканские вожди – Брут, Кассий, Секстий Помпей и другие – были заочно осуждены. Октавиан, Антоний и Лепид составили второй триумvirат, и начались обычные проскрипции и казни. Одним из первых был осужден Цицерон. Плутарх передает, что Октавиан, помня отеческое к нему отношение Цицерона, два дня бился со своими коллегами, но на третий день принужден был уступить.

Цицерон получил известие о готовящейся ему судьбе на своей Тускуланской даче, где жил с некоторых пор со своим братом Квинтом, готовясь уехать в Македонию к Бруту. Они тут же отправились в носилках в Астиру, где у Марка была приморская вилла; но по дороге спохватились, что у них не хватает средств для дальнейшего путешествия, и Квинт решил вернуться за ними в Рим. Грустно расстались братья, как бы предчувствуя, что больше не встретятся: подавленные горем и отчаянием, они долго рыдали друг у друга в объятиях, пока мысль о близкой опасности не заставила их разойтись. Квинт отправился в Рим, где сразу был узнан и убит вместе со своим сыном, а Марк успел прибыть в Астиру и берегом пробраться в Цирцею, откуда ему

надлежало отчалить. Но здесь начались его колебания и муки: он то хочет возвращаться, то готовится отплыть и, наконец, решает вернуться и хлопотать о помиловании. Он оставляет морской берег, идет по направлению к Риму, проходит несколько миль – и поворачивает обратно к Цирцее. Измученный и усталый, проводит он здесь бессонную тревожную ночь и поутру окончательно решает отплыть. Но не успевает лодка отчалить, как он раздумывает, высаживается вновь и велит нести его в его Фурмийскую виллу. Отупев от усталости и душевных страданий, он решает здесь переночевать; однако его слуги, узнав о близости убийц, усаживают его в носилки и несут опять к морскому берегу. Но было уже поздно: убийцы под начальством Папилия, которого

Цицерон некогда защитил от обвинения в отцеубийстве, настигли его недалеко от берега. Цицерон с мужеством загнанного зверя приказал поставить носилки на землю. Приложив по своему обыкновению руку к подбородку, он высунулся из-за занавесок и посмотрел своим палачам в глаза. Пораженные его безумным взглядом, они долго не решались исполнить приговор, пока один из них, Геранний, не собрался с духом и не нанес несчастному роковой удар. Это произошло 7 декабря 43 года. Цицерону отсекли голову и руки и отослали в Рим, где мстительный Антоний пригвоздил их к той самой ростре, с которой оратор некогда волновал слушателей своим блестящим красноречием.